

Gennadij Zeldowicz

Uniwersytet Warszawski

СЛОВОПОРЯДОК И КОМПОЗИЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Word Order and Composition of Lyrical Discourse

ABSTRACT: The paper is concerned with the most fundamental compositional divide to be found in lyrical discourse, consisting in that the latter one is normally split into an empirical part, presenting the author's concrete experience, and a focal part, where the author discovers some significant truth or/and changes her attitude towards the world. It is claimed in the paper that, more generally, one of the specific linguistic properties of focal fragments is their higher and/or specially underscored informativity, and, in particular, one of the means recruited to emphasize it is inverted word order.

KEYWORDS: lyrical poetry, composition, focalization, word order, inversion

1. Предисловие

Известно, что в прототипическом случае лирический текст распадается на эмпирическую часть, где представлен какой-то переживаемый автором (или, точнее, лирическим героем – но здесь эта тонкость не слишком существенна) опыт, и часть, в которой автор приходит к тому или иному обобщению, открытию важной истины и/или в которой существенным образом изменяются его взаимоотношения с миром и/или с самим собой; см. особенно [Сильман 1977].

Очевидно, будучи предопределено самой природой жанра, именно это противопоставление является основным для лирического текста композиционным разломом, причем посвященные авторскому опыту, эмпирические фрагменты и фрагменты, где совершается названное открытие (в дальнейшем именуем их фокусом), далеко не равноправны: первые содержательно подчинены вторым и уместны лишь в той степени, в какой эти вторые подготавливают, служат им своеобразной когнитивной опорой. Иными словами, эмпирические фрагменты формируют неглавный, или, если воспользоваться термином из нарратологии,

«фоновый» план лирического дискурса, а главным планом являются фрагменты фокусные.

Как показывают проводимые нами исследования, оппозиция между эмпирическими частями текста и его фокусом получает вполне конкретные и достаточно последовательные лингвистические манифестации; см. [Зельдович 2015; 2016; 2018; Zeldowicz 2016]. Например, частыми отличительными особенностями фокуса являются богатство его дискурсивных связей, его референциальная оторванность от иных, эмпирических фрагментов, подчеркнутые особыми средствами типологическое многообразие содержащихся в нем смыслов (речь идет прежде всего о таких типах, как ассерция, пресуппозиция, разного рода имплицатуры) и т.д.

Глядя на это явление шире, можно предположить, что если не все, то весьма многие используемые при маркировании фокуса стратегии имеют общий знаменатель: коль скоро фокус обладает большей дискурсивной важностью, должна быть в общем случае более высокой и его информативность¹. Разумеется, измерить и сопоставить информативность двух фрагментов текста в целом обычно либо очень трудно, либо невозможно, однако может быть так, что один из фрагментов отчетливо более содержателен в каком-то отдельном и при этом когнитивно хорошо доступном, легко «вычленимом» аспекте своей смысловой структуры (или в нескольких таких аспектах). Скажем, определенно немалой самостоятельностью обладает для нас такой параметр, как типологическое многообразие передаваемой нашими высказываниями информации, а в лирических текстах, повторим, это многообразие нередко еще и дополнительно подчеркивается специальными средствами. Поэтому тот факт, что информация, заключенная в фокусе лирического текста, тяготеет к большему типологическому богатству, нежели информация, содержащаяся в эмпирических фрагментах, свидетельствует не просто о стремлении лирического текста *каким-то* образом отграничить фокус, но также и о том, что «отграничивающим» признаком способна быть более высокая информативность; см. подробно [Зельдович 2018].

Более того, в названных работах показано, что даже и само по себе особое *внимание* к информативности, сама актуализация того обстоятельства, что свойственный определенному фрагменту уровень информативности предопределяет его структуру, может нами субъективно восприниматься тоже *как его более высокая информативность*.

Ниже мы хотим рассмотреть еще одну, далеко не сразу заметную, но достаточно распространенную служащую маркировке фокуса стратегию, в ко-

¹ В первом приближении эту информативность можно отождествить с тыняновской «теснотой» стихового ряда, но все-таки это не совсем одно и то же; см. [Зельдович 2018].

торой ключевую роль играет именно такое подчеркнутое внимание к самому принципу информативности как организующему началу текста – причем внимание, с полной наглядностью проявленное в самой его материальной форме, а конкретнее говоря, в его инвертированном словопорядке.

2. Гипотеза

Хорошо известно, что если в языке допускается свободный словопорядок – а так, в частности, дело обстоит в русском, – то свобода эта служит весьма разнообразным прагматическим целям, среди которых маркирование темы и ремы хотя в общем случае и весьма важная, но далеко не единственная (см. чуть ниже).

На этом фоне заслуживает пристального внимания и гипотеза, что в эмпирической части лирического текста и в его фокусе закономерности словорасположения не совсем одинаковы и сам уже порядок слов может выступать здесь как маркер композиционной структуры.

Правила, по которым устанавливается словопорядок, настолько сложны и многофакторны, что полноценно верифицировать эту гипотезу в данной небольшой работе едва ли возможно. И тем не менее, мы располагаем рядом примеров, подтверждающих одновременно и высказанное только что предположение, и более общий тезис, что первый план лирического дискурса тяготеет к более высокой информативности.

Чаще всего порядок слов в предложении объясняют, обращаясь к его тематической структуре, реже к представлению о «данном» и «новом». В первом случае основное внимание уделяется различию между той частью предложения, которая может подвергнуться негации, и частью неотрицаемой, во втором – различию между заранее знакомым/известным и незнакомым/неизвестным.

С другой стороны, как видно и из классических работ Пражского лингвистического кружка, и из работ более современных, для коммуникативной структуры и словопорядка несомненно актуальны и иные, менее очевидные и слабее изученные параметры, например, оппозиция «характеризуемое – характеризующее» (см., например, [Селиверстова, Прозорова 1992]) или то, насколько дискурсивно устойчива соответствующая сущность, – иначе говоря, то, имеем ли мы дело с сугубо «эпизодическим», лишь единожды упоминаемым в дискурсе референтом или же с референтом, становящимся сквозной «темой» отдельного отрывка или даже текста в целом (см., в частности, ряд работ в сборнике [Rayne 1992]).

Особенно важный для нас параметр такого рода анализируется в [Mithun 1992], где показано, что рядом языков начальная позиция в предложении регу-

лярно, на правах канонической и немаркированной, отводится тому компоненту, который обладает наибольшей коммуникативной важностью, несет самую интересную адресату информацию. С другой стороны, есть языки (к ним принадлежит и русский), где, наоборот, коммуникативно наиболее важный компонент обычно тяготеет к финалу².

Различие между коммуникативно наиболее важным и менее важным отнюдь не совпадает ни с различием между ремой и темой, ни с различием между новым и данным (ни, по-видимому, с какой-либо иной из актуальных для описания коммуникативной структуры понятийных оппозиций). Например, если на вопрос *Как поживает Вася?* кто-то ответит *На прошлой неделе Вася выиграл в шахматы у гроссмейстера*, то и ремой, и так называемым новым тут будет фрагмент *выиграл в шахматы у гроссмейстера*, однако наиболее важным – лишь то, что Вася выиграл именно *у гроссмейстера*. Аналогичным образом, если, будучи спрошен, что он подарит на золотую свадьбу родителям, кто-то ответит *Я купил им в подарок магнитофон*, то и ремой, и новым окажется фрагмент *купил магнитофон*, но лишь сам *магнитофон* станет коммуникативно главным (в конце концов, для вопрошавшего в общем случае не так уж важно, купит ли адресат свой подарок, сделает ли его своими руками, найдет ли подходящую вещь у себя дома и т.д.; см. об этом явлении [Vallduví 1992]). Аналогичным образом, в тексте *Я опоздал на вечеринку. Я заехал за другом* рема и новое второй фразы – *заехал за другом*, но в коммуникативном фокусе только слово *заехал*: за кем бы ни заехал говорящий (за другом, родственником и т.д.), это в любом случае могло бы стать причиной опоздания, а как раз она и составляет здесь главный предмет интереса. Показательно, кстати, что можно, не меняя ни тема-рематическую структуру соответствующей фразы, ни распределение в ней данного и нового, перенести ее коммуникативный фокус с *заехал на друга*: ср. *Нечего меня упрекать, что я опоздал на вечеринку. Я заехал за другом*.

Как мы уже упоминали, в русском предложении прагматически наиболее важный компонент редко находится в начале. Это вполне естественно, так как, с одной стороны, такой компонент практически всегда является частью ремы, а в немаркированном утвердительном русском предложении рема располагается ближе к концу – ибо первая сущность, упоминаемая в таком предложении, тяготеет к известности, хорошей прагматической доступности, к тому, чтобы сразу давать адресату удобную когнитивную опору, отправляясь от которой, он будет интерпретировать дальнейший текст (поэтому, конечно

² У М. Митун употребляется практически непере译имый термин *newsworthiness*; мы, за неимением лучшего выбора, будем использовать описательный эквивалент и говорить о высокой коммуникативной важности.

же, столь многие русские предложения начинаются с упоминания об авторе, адресате, погоде и тому подобных заведомо известных референтах, либо же с упоминания о референтах, которые знакомы из предтекста; см., например, [Yokoyma 1986]). По-видимому, инициальную позицию прагматически главный компонент регулярно занимает лишь в частных вопросах (*Кто пришел?*, *Что Иван тебе подарил?*, *Где вы были?* и т.п.), а в других случаях, если он открывает собой предложение, это как правило является результатом инверсии и придает фразе эмфатическую окраску; ср. хотя бы *У гроссмейстера Вася выиграл*; *Магнитофон я купил им в подарок*; *За другом я заехал*.

Поэтому в русском предложении перенос коммуникативно наиболее весомых элементов в начало должен резко бросаться в глаза и восприниматься как отказ от нашего обычного стремления обеспечить адресату удобство интерпретации в пользу куда более «экзотичного» здесь принципа информативности.

Безусловно, наше знание об относительном коммуникативном весе отдельных элементов в предложении играет свою роль и в обычном случае, когда, строя фразу, мы руководствуемся правилом «не располагай коммуникативно наиболее важный элемент в начале». Однако правило это столь всеохватывающе, а значит, и столь тривиально, что куда заметнее для нас должны стать как раз его *нарушения*.

Поэтому особенный коммуникативный вес соответствующих элементов будет нами яснее ощущаться именно там, где они начинают собой предложение, и такое предложение при прочих равных условиях *нашему восприятию должно представляться как более информативное*.

Думаем, что подобный же эффект обсуждаемая инверсия будет создавать и тогда, когда она происходит в пределах полупредикативной конструкции (прежде всего, в деепричастном обороте) или в пределах поэтической строки. Даже если фактически многие строки не содержат целой предикации, то в идеале стихотворная строка все-таки предназначена к тому, чтобы быть самостоятельным предложением. Поэтому в общем случае гораздо естественнее звучат строки, которые начинаются с коммуникативно менее важного, зато прагматически хорошо доступного элемента, а коммуникативно главенствующий появляется в конце или по крайней мере ближе к концу.

Этим объясняется, например, почему откровенно эмфатична вторая строка в следующем фрагменте у А. Тарковского: *И – Боже мой! – из ледяного плена Едва звучит последняя сирена*. Строка эта не является целостным предложением, однако сам перенос наиболее важных в ней слов *едва звучит* к ее началу уже чреват ощутимым риторическим эффектом. Аналогичный эффект возникает во второй из знаменитых тютчевских строк: *Чародейкою Зимойю Околдован, лес стоит*. Само существование референта *лес* означает, что он *стоит*, а прагматически главным является здесь то, что он *околдован*, и пере-

нос этого ключевого слова из немаркированной для него финальной позиции в начало пусть не предложения, но хотя бы данной строки тоже ее сильно эмфатизирует.

Все изложенное наводит на мысль, что если фокус лирического стихотворения тяготеет к большей информативности или по крайней мере к тому, чтобы свою информативность яснее обозначить, специальными средствами подчеркнуть, то конструкции с описанным типом эмфазы должны чаще встречаться именно в фокусе и быть его более или менее надежной приметой.

Рассмотрев 40 лирических стихотворений, где такая эмфаза встречается (принадлежащих Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Мандельштаму, Цветаевой, Пастернаку, Тарковскому), мы пришли к выводу, что гипотеза эта верна.

Сначала, однако, объясним, каким принципам следовали отбор материала и его анализ, и приведем несколько примеров. Нас интересовали случаи, когда некоторый элемент предложения обладает сразу всеми тремя следующими особенностями: во-первых, выделяется среди других существенно большей коммуникативной важностью; во-вторых, (как следствие из первого обстоятельства, конечно) при каноническом словопорядке должен был бы находиться не в начале, а в середине или в конце соответствующего предложения, либо соответствующего полупредикативного оборота, либо соответствующей строки; в-третьих, в данном тексте смещен в начало предложения, полупредикативного оборота либо строки.

Во избежание недоразумений специально подчеркнем, что мы игнорировали случаи переноса коммуникативно более важных элементов в середину, а не в начало предложения, полупредикативного оборота либо строки, то есть конструкции вроде тютчевского *Небо молнией летучей Опоясалось кругом*, где прагматически самым «интересным» элементом является скорее всего *молния летучая* и где при каноническом словопорядке она занимала бы финальное место. Такие случаи тоже, по-видимому, заслуживают внимания, однако их анализ и даже само их выявление невероятно усложнили бы нашу задачу.

В дальнейшем, используя термин «инверсия», мы имеем в виду только перенос в начало соответствующей конструкции.

Правда, чтобы не входить в конфликт с интуицией, представление о начальной позиции было несколько либерализовано. Мы признавали, что тот или иной компонент занимает в соответствующей конструкции начальную позицию, не только тогда, когда он находится в абсолютном начале, но и когда ему предшествует единица (иногда и несколько единиц), заведомо не предназначенная к выполнению центральной коммуникативной роли: предлог, союз, частица (в том числе отрицание *не* и традиционно причисляемый к частицам показатель сослагательного наклонения *бы*), вводный оборот, интенсификатор типа *как*, *какой*, *все* или местоименный показатель референциального

статуса (*этот, тот, один, какой-то* и т.п.). Поэтому, например, в строках Тарковского *Наверное, будет угадана связь Меж сценой и Дантовым адом* элемент *будет угадана* считался инициальным, открывающим собой предложение; поэтому во второй из тютчевских строк *Как увядающее мило, Какая прелесть в нем для нас* как начальный элемент рассматривалось слово *прелесть*; поэтому первым элементом в пушкинской строке *Все б эти ножки целовал* признавалось слово *ножки* (*все* – интенсификатор, *эти* – референциальный показатель, *б* – показатель сослагательности).

Отдельным элементом предложения, в принципе способным подвергаться переносу, считалось либо полнозначное слово (в том числе и тогда, когда оно выступает в аналитической «двухчастной» форме, как, допустим, *более новый, буду говорить* или *будет сделан*), либо группа полнозначных слов, при условии очень тесной смысловой связи между ними. В последнюю категорию мы включали, во-первых, фразеологические обороты и обороты, приобретшие в соответствующем контексте фразеологическую «нерасторжимость»; во-вторых, сочетания глагола *стать* с прилагательным (вроде *стать старым*); в-третьих, сочетание существительного с бытийным глаголом (*был вечер*) или с иным глаголом, в чем значении самым главным смысловым компонентом является указание на бытие данного предмета, а остальные прагматически тривиальны, «выводимы» из его природы (ср. *за домом стоит дерево; под деревом течет ручей; в ручье плавает рыба*); в-четвертых, сочетание неопределенного местоимения с уточняющим его смысл словом (*какой-то человек; кто-то новый; что-то нежное*). (Безусловно, поскольку понятие «очень тесная смысловая связь между словами» открыто разночтениям, в таком решении есть доля произвольности, однако, коль скоро весь материал анализировался по этим правилам, не так уж велика вероятность, чтобы наш выбор серьезно исказил конечные результаты.)

Разумеется, из рассмотрения были исключены частные вопросы, ибо в них коммуникативно главный элемент, вопросительное слово, исконно занимает первую позицию и инверсия интересующего нас типа тут невозможна.

Наконец, существенно, что начальное предложение лирического текста практически никогда не бывает фокусным, так что если инверсия интересует нас как потенциальный маркер фокуса, ее присутствием в открывающей текст конструкции можно просто пренебречь. Поэтому если ниже мы говорим о стихотворениях, в чьей эмпирической части есть инверсия, понимать сказанное надо ограничительно: подразумевается лишь инверсия, появляющаяся *не в инициальном эмпирическом фрагменте*.

Обследованные тексты разделились на три следующих типа, из которых первые два весьма продуктивны, зато третий представлен лишь единичными примерами.

Тип 1. Инверсии интересующего нас типа (в дальнейшем будем называть их просто инверсиями) имеют место только в фокусе стихотворения. Этот тип примеров оказался наиболее частым; подробнее см. ниже. В двух случаях инверсия обнаружилась как в фокусе, так и в самом начале стихотворения, но мы, по изложенной только что причине, их причислили к тому же первому типу.

Тип 2. Инверсии имеются только в эмпирической части стихотворения либо как в эмпирической части, так и в фокусе. Рассматривать два этих варианта совместно можно потому, что ни в том, ни в другом инверсия *не становится* маркером фокуса. По только что изложенным причинам, здесь не принимались во внимание случаи, когда инверсия находилась в самом начале эмпирической части.

Тип 3. В двух случаях стихотворение было построено так, что в фокусе имелась инвертированная конструкция и эта же либо предельно близкая к ней по смыслу конструкция уже появлялась ранее в эмпирической части. Соответствующие примеры не причислялись к предыдущему типу, но трактовались особо, так, как если бы просто в эмпирическую часть оказался инкорпорирован некий «предвестник» фокуса, а инверсия была все-таки показателем дискурсивного первого плана.

Раньше, однако, чем подробно представить полученные результаты и сделать окончательные выводы, обратимся к примерам.

3. Пример 1: инверсия присутствует только в фокусе стихотворения

Так дело обстоит в знаменитом стихотворении Тютчева:

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

Единственная инверсия обсуждаемого типа присутствует здесь в заключительной и одновременно «фокусной» строке, где и идея пробуждения, в силу своей предупомянутости, и *человек*, из-за своей референциальной неопределенности либо генеричности – то есть, иначе говоря, своей неконкретности, своей относительно ослабленной связанности с данной актуальной для лирического героя ситуацией, – в коммуникативном весе сильно уступают началь-

ному *должен*, так что канонический словопорядок несомненно был бы иным, с неинициальной позицией этого слова: *Человек наконец должен проснуться*.

4. Пример 2: инверсия присутствует только в фокусе стихотворения

В следующих стихах Мандельштама итоговыми являются седьмая и восьмая строки, причем в седьмой интуитивно наиболее новое сообщение связано со словом *играет* – и оно, единственное во всем тексте, вынесено в неканонически начальную позицию, перед подлежащим *пространство*:

1.
Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.

2.
И дугами парусных гонок
Зеленые формы чертя,
Играет пространство спросонок –
Не знавшее люльки дитя.

5. Пример 3: инверсия присутствует в эмпирической части стихотворения

Иная картина обнаруживается в стихотворении Лермонтова:

1.
Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?

3.

Уж не жду от жизни ничего я,
 И не жаль мне прошлого ничуть.
 Я ищу свободы и покоя!
 Я б хотел забыться и заснуть!

4.

Но не тем холодным сном могилы...
 Я б желал навеки так заснуть,
 Чтоб в груди дремали жизни силы,
 Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь,

5.

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
 Про любовь мне сладкий голос пел,
 Надо мной чтоб, вечно зеленея,
 Темный дуб склонялся и шумел.

Легко заметить, что тут резкие инверсии есть в эмпирических фрагментах. При каноническом словопорядке присутствующие в третьей строфе конструкции *Уж не жду от жизни ничего я*, *И не жаль мне прошлого ничуть* должны были бы начинаться с *я* или *мне* (*Я не жду...*, *Мне не жаль...*), здесь же они открываются коммуникативно наиболее важным словом (*не*) *жаль*, (*не*) *жду*. Кроме того, в строке *Про любовь мне сладкий голос пел* из строфы 5 коммуникативно важнейшая *любовь* канонически должна была бы занимать финальную позицию, а здесь вынесена в начало. Правда, установить в этом стихотворении точные границы фокуса непросто и при одном из подходов таковым может оказаться вся последняя строфа; поэтому утверждение, что приведенная строчка однозначно эмпирическая, было бы рискованным. Тем не менее, маркированный словопорядок в бесспорно эмпирической третьей строфе вынуждает признать, что в этом стихотворении интересующая нас инверсия все же *никак не служит приметой фокуса*.

6. Пример 4: инверсия присутствует в эмпирической части стихотворения

Последней иллюстрацией этого типа будут стихи Тютчева:

1.

Чародейкою Зимою
 Околдован, лес стоит –
 И под снежной бахромою,

Неподвижною, немую,
Чудной жизнью он блестит.
2.

И стоит он, околдован, –
Не мертвец и не живой –
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...
3.

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой –
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

По-видимому, единственная тут инверсия интересующего нас типа есть только в строке *Чудной жизнью он блестит* (вместо *Он блестит чудной жизнью*), и строка эта относится к эмпирической части текста.

7. Пример 5: инверсия есть в фокусе стихотворения и в текстуально близком к фокусу фрагменте эмпирической части

Займемся иным типом примеров и вновь обратимся к Тютчеву:

1.
Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

2.
Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, –

3.
Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

Инверсия тут присутствует только в фокусной заключительной строке (*В последний раз вы молитесь теперь* вместо *Вы теперь молитесь в последний раз* или иной сходной конструкции, но с финальной позицией оборота *в последний раз*, который по коммуникативной значимости тут главенствует) и в предельно сходной по структуре и смыслу строке б, *В последний раз вам вера предстоит*.

Строку эту можно рассматривать как своеобразное предвосхищение фокуса, инкорпорирование фокуса или его фрагмента в эмпирическую часть стихотворения, и потому инверсия здесь является скорее всего приметой главного смыслового итога, так же, как это было в примерах первого типа.

8. Пример б: инверсия есть в фокусе стихотворения и в текстуально близком к фокусу фрагменте эмпирической части

Такое же явление встречаем в стихотворении Манделъштама, где единственная инвертированная конструкция – *[Н]е волк я по крови своей* (нормальный словопорядок – с постпозицией ключевых здесь в коммуникативном плане слов *не волк*), причем раньше, чем стать фрагментом фокуса, она появляется в эмпирической части как своеобразный его провозвестник:

1.

За гремучую доблесть грядущих веков,
 За высокое племя людей, –
 Я лишился и чаши на пире отцов,
 И веселья, и чести своей.

2.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
 Но не волк я по крови своей:
 Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
 Жаркой шубы сибирских степей...

3.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
 Ни кровавых костей в колесе;
 Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
 Мне в своей первобытной красе.

4.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
 И сосна до звезды достает,
 Потому что не волк я по крови своей
 И меня только равный убьет.

9. Результаты

Как мы говорили выше, рассмотренные нами 40 лирических стихотворений разделились на три типа. Назовем эти типы еще раз и укажем, каким числом примеров они были представлены.

Тип 1. Инверсии интересующего нас типа имеют место только в фокусе стихотворения.

26 примеров из 40.

Тип 2. Инверсии имеются только в эмпирической части стихотворения либо как в эмпирической части, так и в фокусе.

12 примеров из 40.

Тип 3. В фокусе имеется инвертированная конструкция, и эта же либо предельно близкая к ней по смыслу конструкция уже появлялась в эмпирической части.

2 примера из 40.

Как видим, большинство примеров демонстрируют прозрачную корреляцию между инверсией интересующего нас рода и выдвиганием соответствующего фрагмента на первый, «фокусный» дискурсивный план. Таковы примеры первого и третьего типа, вместе составляющие ни много ни мало 70% от общего числа (28 из 40), в то время как не демонстрирующих названную корреляцию примеров второго типа только 30% (12 из 40), то есть в два с лишним раза меньше.

Сверх этого, если учесть не только приведенные цифры, но и то, насколько в среднем фокус короче эмпирической части лирического текста (обычно фокус занимает одну четырехстрочную строфу или даже часть строфы, нередко две строки, а иногда и одну – средняя же длина лирического стихотворения несоизмеримо внушительнее и составляет, по нашим подсчетам, около 16 строк), окажется, что, будь распределение обсуждаемых тут инверсий случайным, в фокусе они присутствовали бы во много раз реже, чем в эмпирических фрагментах текста. При таком взгляде на вещи нужно будет признать, что в фокусе инверсии появляются даже не в два с небольшим раза, а *во много раз* чаще, чем вне его. Например, если для определенности принять, что фокус среднестатистически короче эмпирической части вчетверо (по сути, весьма либеральное допущение), частотность инверсий в фокусе окажется по крайней мере в девять (!) раз более высокой, чем вне его.

Таким образом, мы убедились, что инверсия, при которой в начальную позицию предложения, либо полупредикативного оборота, либо строки выдвигается коммуникативно их наиболее важный элемент, действительно становится весьма надежным показателем фокуса в лирическом дискурсе.

Более общий вывод таков, что, поскольку названное выдвижение определяется соображениями информативности (инициальная позиция предоставляется слову либо обороту, наиболее важным в коммуникативном плане), постольку проанализированным материалом лишней раз подтверждается та глубокая связь между высокой информативностью или самим особым *вниманием* к параметру информативности и привилегированным дискурсивным рангом соответствующего фрагмента, которая столь характерна для лирических текстов.

Литература

- Зельдович Г.М., *Об одном способе маркировать дискурсивную перспективу в лирической поэзии. Композиция и референциальные связи, или В чем неправы П. Хоппер и С. Томпсон*, „Linguistica Copernicana” 2015, nr 12, s. 245–270.
- Зельдович Г.М., «Золотое сечение» и композиция лирического текста, „Wiener Slawistischer Almanach” 2016, tom 78, s. 95–148.
- Зельдович Г.М., *Композиция лирического стихотворения и «теснота» стихового ряда: Типологическое богатство информации как маркер первого дискурсивного плана в лирическом тексте*, [w:] Людмила Савченко. *Душа воспламененная*, Харьков 2017, s. 273–333. (W druku).
- Селиверстова О.Н., Прозорова Л.А., *Коммуникативная перспектива высказывания*, [w:] *Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / Неопределенность*, Санкт-Петербург 1992, s. 189–231.
- Сильман Т.И., *Заметки о лирике*, Ленинград 1977.
- Mithun M., *Is basic word order universal?* [w:] Payne D.L. (ed.), *Pragmatics of Word Order Flexibility*, Amsterdam/Philadelphia 1992, s. 15–61.
- Payne D.L. (ed.), *Pragmatics of Word Order Flexibility*, Amsterdam/Philadelphia 1992.
- Vallduví E., *The Informational Component*, New York, London 1992.
- Yokoyama O., *Discourse and Word Order*, Amsterdam 1986.
- Zeldowicz G., *Extraverted consciousness, introverted consciousness, and composition of lyrical discourse*, „Linguistica Copernicana” 2016, nr 13, s. 301–318.